

Алексей Тепляков

Массовые операции ВЧК-МГБ 1920–1950-х гг. как инструмент политического террора

Террористическая деятельность государственных органов безопасности в ленинско-сталинский период являлась важнейшим проявлением той глубокой, поднявшейся в ходе Первой мировой войны, волны архаизации, которую оседлали большевики, восстановив и усилив в общественной жизни феномены прошлых эпох. У свидетелей революции и Гражданской войны было острое ощущение отката в средневековье, к Московской Руси; Марк Алданов писал, что «...на низах культуры календарь... показывает семнадцатый век"[1]. Система советских карательных органов, защищавшая «достижения» большевистской политики одичания, наглядно воспроизводила наиболее архаичные формы российского политического сыска XVII — первой половины XIX веков: абсолютизацию доноса, массовые аресты, пыточное следствие, невыносимые условия содержания, использование провокаторов, тайные судилища с predetermined приговором, применение мучительных способов казни, секретность захоронений осуждённых.

Идеи массовых террористических расправ с врагами рождались прежде всего в высшем руководстве партии. Ленин уже в июне 1918 г. требовал у петроградских большевиков во главе с Г. Е. Зиновьевым «поощрения энергии и массовидности террора"[2].

Один из основных организаторов расстрела царской семьи А. Г. Белобородов писал секретарю ЦК РКП (б) Н. Н. Крестинскому 6 мая 1919 г. с охваченного восстаниями Дона: «Необходимо организовать Чрезвычайки и, как можно скорее, покончить с трибунальским словоизвержением. Основное правило поведения при расправе с к[онтр]рев[олюцией]: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу». О том, что знаменитый крымский террор готовился загодя, говорит телеграмма Сталина Троцкому от 28 июня 1920 г., в которой сообщалось, что приказ о «поголовном истреблении врангелевского комсостава» предполагается издать к началу общего наступления на Врангеля[3]. Марксистский теоретик Э. Енчмен печатно указывал на неизбежность «окончательного истребления, полного уничтожения буржуазии, включая и буржуазных интеллигентов"[4].

Убедительным свидетельством террористического характера органов советской политической полиции ВЧК-МГБ являются постоянные массовые репрессии, требовавшие наличия крупных карательных структур, чьё построение постоянно менялось в зависимости от решаемых задач. Многочисленность и разветвлённость органов ВЧК-МГБ сочеталась с наличием сети внесудебных инстанций — для скорости массовых осуждений, а также сохранения секретности имён секотов. В чекистских документах с первых лет работы ВЧК постоянно

встречается термин «массовые операции», обозначающий принцип работы, который являлся долговременным феноменом чекистской политики. Зачастую под массовыми операциями подразумевались кампании групповых арестов; но нередко они толковались расширительно, подразумевая и дальнейшие осуждения арестованных, их заключение или высылку. Осуществление групповых казней также проходило по графе проведения массовых операций.

К массовым операциям следует относить и взятие многочисленных заложников из представителей враждебной социальной среды, активно применявшееся до середины 1920-х гг. По мнению современных историков, репрессии и дискриминация членов «вражеских» семей были целенаправленной и продуманной государственной политикой, составной частью политического террора, направленного на тотальное подчинение всего общества. Кампании по взятию заложников реализовывались в контексте массовых операций и по инициативе лидеров правящей партийной верхушки[5].

Многочисленный аппарат карательной системы был гарантией того, что в любой момент он сможет осуществить сколь угодно крупные ликвидации противников режима. Под нужды прежде всего массовых операций формировалась вся структура ВЧК-НКВД с её постоянной организацией временных оперативно-следственных групп, оперативных межрайонных секторов, периодическим соединением сил оперативников, войсковиков и вспомогательных служб в значительные по численности отряды. Например, после подавлении крупного восстания в Братском районе Восточно-Сибирского края иркутские чекисты в июле 1933 г. выслали для чистки восьми пограничных районов специальную опергруппу из основных работников краевого ОГПУ и провели ряд новых массовых операций. Базируясь продолжительное время в Газимуро-Заводском районе, эта опергруппа, насчитывавшая 82 оперработника-чекиста и 150 милиционеров, обрушила репрессии на единоличников, остатки повстанцев и тех голодавших, кто переходил за кордон, чтобы выменять на вещи хлеб[6]. В моменты обострения террора в начале и второй половине 30-х годов в городах, где имелись тюрьмы, создавались временные оперативные секторы или группы, включавшие 30–100 чел., составленные из руководящего ядра (опытных работников краевого или областного аппарата) и чекистов с милиционерами из окрестных районов. В начале 1930 гг. оперсекторы расстреливали сотни осуждённых, в 1937—1938 гг. — тысячи. Одновременно шла организация меньших по численности групп, занимавшихся проведением массовых расстрелов, так что профессия палача в СССР стала очень распространённой. Однако нередко в казнях участвовали все сотрудники территориального подразделения: например, в расстреле 327 осуждённых по «заговору в сельском хозяйстве» в ночь на 28 апреля 1933 г. были задействованы 37 чекистов Барнаульского оперсектора ОГПУ, то есть половина от общей численности[7]. Учитывая, что многие чекисты оперсектора постоянно находились в командировках в районах,

при подобных особо крупных ликвидациях привлекались все или почти все наличные силы.

Основная часть усилий органов ВЧК с самого начала их деятельности выражалась в крупных карательных акциях — так называемых массовых операциях, которые спешно готовились по агентурным данным (нередко провокационным) и завершались кампаниями многочисленных арестов врагов режима. Обычным способом работы чекистов, начиная с Гражданской войны, было проведение постоянных массовых арестов, скорых осуждений и расстрелов. Очень характерно выглядит жесточайшее распоряжение Ф.Э. Дзержинского своему заместителю И.К. Ксенофонтову от 25 июня 1920 г., ставшее истерической реакцией на письмо некоего «белогвардейца» о якобы готовящихся белыми диверсантами терактов в Кремле: «...Надо производить ежедневно (еженощно) массовые обыски в домах и на улицах, вечером или ночью... и арестовывать всех подозрительных и непрописанных... Дальше, надо ликвидировать всех заподозренных в к.-р. и родных, расстрелянных и сидящих в лагере или тюрьме, контрреволюционеров. ...Белые сейчас готовят террористические акты, их можно предотвратить только массовыми непрерывными операциями... надо спешить и действовать с завязанными глазами"[8].

Спешно собранные из всякого маргинального сброда, получившего партийные билеты в одну из партийных недель, местные чекистские органы вместе с милицией и внутренними войсками в период 1918—1922 гг. постоянно проводили широкие чистки населения с помощью групповых задержаний. Уже в 1920 г. в сибирские сёла и небольшие города то и дело выезжали чекистские отряды из губернских центров для проведения кампаний массовых арестов. Для небольших городов, вроде Черепаново, Канска или Кокчетавы были характерны фабрикация дел о заговорах, по которым арестовывали по 100–200 чел. за раз[9]. Подобные кампании арестов всегда превышали следственные возможности чекистов и милиции, прекрасно понимавших, что из-за отсутствия обвинительных материалов на спешно арестованных людей они не смогут расследовать их вину. Большинство схваченных обычно вскоре освобождали, и чекисты считали, что таким образом проводится эффективная политика запугивания. Но многие лица месяцами и порой годами содержались без допросов в переполненных тюрьмах. Власти весьма хладнокровно наблюдали массовую смертность заключённых от истощения и тифа. С их точки зрения, высокая смертность в местах заключения целесообразным образом избавляла режим от врагов. С Гражданской войны началась и история перманентной фабрикация огромных «заговоров», заканчивавшихся казнями десятков и сотен людей.

В Сибири и на Дальнем Востоке феноменом большевистского террора был повсеместный красный бандитизм — массовый стихийный разбой в отношении классовых врагов, проводившийся с помощью

низового партийно-советского и чекистско-милицейского аппарата. Органы ВЧК состояли из наспех принятых в РКП (б) карьеристов, сильно пьющих, вымогавших взятки и мародёрствовавших, абсолютно беспощадных, зачастую проявлявших откровенный садизм. Кадровый же состав фактически приданной чекистам милиции начальник Сибмилиции И.С. Кондурушкин в 1921 г. оценивал как полностью разложившееся организованное преступное сообщество: «Милиция Сибири, особенно уголовный розыск — это опасная банда, а не охрана Республики, разложившаяся морально и деморализованная экономически» [10]. Местные партийно-советские власти выглядели не лучше [11].

Согласно сообщению полпреда ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского в Особый отдел ВЧК в сентябре 1921 г., он был не в состоянии контролировать положение в уездных органах ЧК, которые «отошли» от подчинения губЧК и вместе с местной милицией, исполкомами и партийными ячейками бессудно, в массовом порядке, уничтожали и грабили уцелевших сторонников белой власти [12], зачастую сводя личные счёты. В отчете Алтайского губюста за май 1920 г. отмечалось, что милицейские дознания «нередко прекращаются в самом начале с указанием, что арестованный при попытке к бегству расстрелян». К концу 1920 г. в Бийском уезде одна только Огнёвская партийная ячейка расстреляла 200 «колчаковцев», другая ячейка — 70 чел., некоторые — по 10–20 чел. [13] Фактически в период красного бандитизма массовые операции чекистов постоянно дополнялись такими же масштабными расправами местных властей и де-факто осуществлявших административную власть комячеек, носившими уже неофициальный характер, но бывшими от этого не менее кровавыми.

Здесь следует подчеркнуть характерную специфику восточной части России. Террористическая политика в регионе была прямо связана с огромной криминализацией власти, особенно на низовом уровне, где её активно пополнял скопившийся в регионе уголовный и маргинальный элемент. На Дальнем Востоке роль бывших бандитов была особенно заметна. Лидером фракции РКП (б) и уполномоченным правительства Дальневосточной Республики во Владивостоке в 1921 г. являлся Роман Цейтлин — известный до революции харбинский контрабандист опиума, возивший его крупными партиями в Москву из Маньчжурии с помощью целой сети агентов и не раз сидевший в китайских тюрьмах. Товарищ министра внутренних дел ДВР Д.Ф. Клингоф ранее, в период политической неразберихи в Якутии, участвовал в убийстве, о чём было широко известно. О дальневосточной ЧК (Госполитохране) среди министров и ответработников ДВР царил единодушное мнение — её открыто именовали «бандитским органом» [14]. Другим оазисом уголовщины была высшая власть Якутии. Первый лидер Якутского ревкома и глава Ревштаба в конце 1919 — начале 1920 г. Х.А. Гладунов ранее был коммунистом-экспроприатором, а потом попался на изготовлении фальшивых денег, за что получил каторжные работы. Летом 1918 г. он деятельно участвовал в разгоне якутских властей,

лично застрелив и ограбив мирового судью и следователя Ф.Н. Банковского, затем стал начальником милиции, а при бегстве от белых похитил кассу совдепа. Председатель Якутской губчека в 1921 г. и глава ревтрибунала С.Ф. Литвинов в прошлом являлся предводителем шайки разбойников[15]. Как отмечал в июне 1921 г. Якутский губком РКП (б), местные коммунисты «явились очень заметными поставщиками уголовного элемента», из-за чего среди заключенных Якутской тюрьмы партийцы составляли 20%[16].

Ни у чекистов, ни у партийно-советской номенклатуры обычно не было колебаний относительно необходимости прибегать именно к массовым операциям против недовольных и потенциально опасных соотечественников. Окончание Гражданской войны не привело к оставлению политики массовых репрессий. Традиция проведения массовых операций действовала в течение всех 1920-х гг. и затрагивала борьбу с помощью групповых арестов с представителями социалистических партий, нэпманами, контрабандистами, а также бандитами и их пособниками. Чекисты Москвы, постоянно арестовывая в 1922—1923 гг. десятками и сотнями как политических противников, так и криминал, продолжали называть такие чистки массовыми операциями[17]. Подобные акции часто бывали следствием провокаций. Сексот Вятского губотдела ГПУ С.А. Шулятиков, бывший член партии, дважды судимый за подделку документов и пьянство, поступив затем с 3 мая 1922 г. на негласную и хорошо оплачиваемую работу в «органы», сразу стал давать чекистам ложные сводки о якобы работе организаций правых эсеров в Вятке, Орлове, Котельничихах, на ст. Свеча и Мураши, причём оказался разоблачён лишь три месяца спустя. По его ложным материалам были произведены массовые обыски и арестовано 43 ответственных работника советских учреждений, из-за чего, как отмечал трибунал, «получилась приостановка работ этих органов в течении 4-х дней»[18].

Даже в разгар нэпа масштабные репрессивные акции оставались в арсенале чекистов. Крупная массовая операция была проведена ими летом 1927 г., когда по СССР было арестовано 9 тыс. чел. — в ответ на несколько терактов прибывших из-за рубежа белогвардейцев и под влиянием опасений сталинского руководства, ожидавшего скорой интервенции со стороны Великобритании. Эта массовая операция носила характер не только запугивания и изоляции нелояльных элементов, но и выступила эффективным средством принуждения арестованных к работе сексотами[19]. В течение всех 1930-х гг. чекисты использовали прежде всего методы массовых операций, расстреливая в период 1930—1933 гг. по 10–20 тыс. чел. ежегодно и арестовывая сотнями тысяч. В конце 1933 г. — начале 1934 г. руководители партии и правительства под влиянием острейшего хозяйственно-политического кризиса были охвачены, по мнению известного американского историка Д. Ширера, паническими настроениями, в итоге использовав ОГПУ-НКВД для попытки искоренения всех потенциальных противников режима:

от криминала и остатков свергнутых классов до целого ряда этнических групп[20]. Сталин тогда осознал фактический провал кампании паспортизации, поскольку вместо сотен тысяч высланных «социально-чуждых» и арестованных криминально-политических врагов после всех террористических акций 1932–1933 г. тут же появились легионы новых люмпенов. В связи с этим милицейские тройки активно, массами осуждавшие околокриминальную и криминальную среду, работали до самого 1938 г., а органы ОГПУ-НКВД всё время вели террор против маргинальных слоёв населения, зачастую, помимо ст. 58 УК СССР, применяя ст. 35 УК, каравшую заключением в концлагерь за асоциальное поведение.

Закончив с сопротивлением периода коллективизации и выслав к середине 1933 г. более 2 млн чел., некоторые видные чекисты полагали, что на этом история массовых репрессий завершена. Даже первый нарком внутренних дел Г. Г. Ягода в 1934 г. среди своего окружения говорил, что уже следует перестать расстреливать[21]. Но у Сталина было иное мнение относительно актуальности массовых казней. Апогей массовых операций — это 1937–1938 гг., когда было арестовано порядка 2 млн чел. (включая криминальные и околокриминальные слои), из которых свыше 720 тыс. расстреляли. В этот период известны и массовые аресты по политическим мотивам даже детей, как, например, попытка сфабриковать «детский заговор» в г. Ленинске-Кузнецком Новосибирской области в 1938 г.[22] Проводившаяся одновременно с политическим террором широкая чистка уголовных контингентов не дала результатов — чекисты и милиция выловили немало мелких жуликов, осудили огромное количество невиновных в уголовных преступлениях, но основная часть живших на нелегальном положении матёрых уголовников-рецидивистов осталась на свободе, а разорённые государством и потерявшие близких люди обильно влились в криминальную среду, так что преступность перед войной выросла скачкообразно. Что касается демографических потерь конкретно Сибири, то в 30-е годы террористические методы подавления привели к расстрелу примерно 130 тыс. наших земляков, не считая погибших в местах заключения: тюрьмах, лагерях, ссылке; из этих 130 тыс. практически все стали жертвами именно массовых операций[23].

В ноябре 1938 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», не только упразднявшее внесудебные «тройки» в регионах, но и запрещавшее массовые аресты и выселения. Несмотря на постановление, по завершении Большого террора массовые операции по арестам, выселениям и нередко — расстрелам оставались классическим методом чекистской работы в присоединённых к СССР областях Польши, Румынии и странах Прибалтики. В 1940 г. НКВД стремительно расстрелял 22 тыс. пленных польских военнослужащих, а в 1945 г. — ещё около 600 польских пленных[24]. С конца 1930-х начался период постоянных массовых арестов целых народов и выселения

их в отдалённые районы. Сопротивление советской политике, а также зачистки освобождённых от германских войск территорий в СССР и странах Европы также сопровождались массовыми репрессиями. В период подавления национального восстания в западных областях Украины оперработники и войска НКВД уничтожили в 1944—1953 гг. до 150 тыс. украинских повстанцев; после войны было выслано более 10% населения Западной Украины. И только после смерти Сталина массовые операции ушли из арсенала спецслужб, но только на территории СССР.

Элементы массовых операций использовались КГБ во время подавления восстаний в ГДР (июнь 1953 г.), ВНР (ноябрь 1956 г.), а также при оккупации ЧССР (1968 г.) и Афганистана (1980-е гг.). Современные силовые структуры РФ с 1995 г. активно проводили массовые террористические акции в Чечне (Чернокозово, Самашки и т. д.), фактически опираясь на богатый советский опыт. Таким образом, разрешаемые политическим руководством террористические репрессии против собственного населения и народов зарубежных стран воплощались в советское время в виде так называемых массовых операций, зачастую подкрепляясь не только многотысячными арестами, но и стремительными осуждениями с помощью незаконных внесудебных органов, активно действовавших до середины 1953 г.

Примечания:

[1] Алданов М.А. *Огонь и дым*. — Париж, 1922. С. 53.

[2] Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* Т. 50. С. 106.

[3] *Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая*. — М., 1996. С. 109–110, 50.

[4] Енчмен Э. Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» (проект организации Революционно-Научного Совета Республики). — Пятигорск, 1920. С. 43.

[5] Вронська Т. Упокорення страхом: сімейне заручництво у каральній практиці радянської влади (1917–1953 рр.). — Київ, 2013. С. 425.

[6] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 712. Л. 125.

[7] Гришаев В.Ф. «Сростинское дело» // *Барнаул*. 2005. № 3. С. 119–126; Тепляков А.Г. *Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг.* — М., 2008. С. 514.

[8] Борисова Л.В. *Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма*. — М., 2001. С. 186–187.

[9] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 389. Л. 1–154.

[10] Исаев В.И., Угроватов А.П. *Милиция Сибири в 1920-е гг.* — Новосибирск, 2008. С. 38.

[11] Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. — Новосибирск, 1992. С. 3–79; Тепляков А. Красный бандитизм // Родина. 2000. № 4. С. 81–84.

[12] ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 684а. Л. 41.

[13] Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 — март 1921 гг.). — Новосибирск, 2013. С. 345, 351.

[14] Гутман А.Я. (Анатолий Ган) Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории войны на Дальнем Востоке. — Берлин, 1924. С. 514; ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 68. Л. 163.

[15] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 409. Л. 58 — 65, 73, 116, 117, 162 об., 163; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 684а. Л. 158 об.

[16] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 142. Л. 54.

[17] Шрейдер М.П. Воспоминания чекиста-оперативника // Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 101.

[18] ГА РФ. Ф. 1005. Оп. 7. Д. 1523. Л. 7 об.

[19] Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. — М., 2006. С. 314.

[20] Shearer D. Policing Stalin's socialism: Repression and social order in the Soviet Union, 1924–1953. — New Haven, London: Yale University Press, 2009. P. 120.

[21] Хлевнюк О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. — М., 2010. С. 223.

[22] Тепляков А.Г. «Детское дело» в Кузбассе: к подоплёке открытого процесса 1939 г. над чекистами — «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сборник материалов франко-российского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.). — Новосибирск, 2011. С. 141–154.

[23] Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. — М., 2008. С. 406, 408.

[24] Петров Н.В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. — М., 2011. С. 225–235.

// Репрессированная сибирская провинция: материалы регионального научно-практического семинара. Новосибирск, 28–29 октября 2013 г. — Новосибирск, 2013. С. 14–19.

<http://rusk.ru/st.php?idar=66454>